

Щекой она прижималась к подушке. Золотистые волосы были разбросаны по голубому батисту. Большое розовое одеяло ниспадало с кровати... Сквозь плотные гардины сочился свет...

За окном гудели машины — давно уже начался день, — и только в этой пустой квартире...

Она не сразу поняла, что опоздала на работу.

Безбожно опоздала. Теперь не успеть и к обеду.

Не сразу сообразила и то, что звонят, хотя именно телефон разбудил ее...

Надо было что-то придумать в свое оправдание.

Но звонил телефон...

Ирина не могла сосредоточиться. Взгляд ее скользил по привычно разбросанным повсюду вещам. Мысли не поддавались управлению. А телефон не унимался...

Звонил мужчина. Кажется, молодой. И не знакомый.

Спрашивал, знает ли Игоря?

— Какого Игоря?

Он назвал ей фамилию.

— Не знаю такого...

Потом оказалось, что друг — нет, не ее — его друг Игорь умер. Год назад...

— Ну и что же вам надо? — раздраженно спросила она.

Он спрашивал об их знакомстве...

— Да не знаю я вашего Игоря! — чуть не заорала она.

Но голос в трубке упрямо твердил, что имя и телефон были в его записной книжке.

— Значит, было же что-то?

— Не помню... не помню... Ну, может быть... Зачем вам это?

— Я позвоню позднее, постарайтесь вспомнить.

Раздались частые гудки.

— Зачем вам это?..

Но ее уже никто не слышал.

Она попыталась вспомнить. Все встречи знакомства, курортные и не только... романы (а сколько их было!)... Какие-то обрывки реальных событий хаотично пронеслись перед глазами. Рука с зажатой телефонной трубкой застыла в воздухе. И лишь мерзкие частые гудки пронзали комнатную тишину.

Она не вспомнила. Попыталась и не смогла. Бросила трубку на место.

Постояла немного, растерянная...

Еще раз глянула на телефон и вдруг в квартирной тишине услышала: кап!.. кап!.. — из кухни.

Сейчас она вслушивалась в этот привычный стук падающих капель все напряженной и напряженной. Ей почему-то казалось, что незнакомец сейчас позвонит или надумает ломиться в дверь, чтобы узнать ее мнение об умершем друге.

Ирина бросилась на кухню и с ожесточением начала закручивать кран. Вода перестала капать, и стало очень тихо...

Почему ей не вспомнился дождь в Ленинграде, когда она единственный раз в своей взрослой жизни бежала босиком по Невскому проспекту и смеялась, видя, как люди прячутся под зонты и навесы...

Был ранний вечер, шел сильный июльский дождь, и лужи вспучивались огромными пузырями. И она бежала и шлепала босыми ногами по лужам, обрызгивая теплой водой прохожих, спешащих укрыться от дождя.

Их возмущенные крики ее не догоняли...

Ей вспомнился не дождь в Ленинграде...

...а хруст песка, обжигающего пальцы на солнечном бакинском пляже...

Ноги вязли в песке, идти очень трудно. И в общем-то незачем...

Со злостью, непонятной и ей самой (на кого только?), Ирина наполнила чайник водой, долго искала коробок спичек, а вот газ зажегся сразу.

Ей не вспомнился костер в пионерском лагере.

Тот последний костер, когда она влюбилась «по-настоящему», впервые, за одну прощальную ночь, когда не было сил оторваться от бликов на его юном лице...

Ей вспомнилась красная афиша.

Шесть загримированных эстрадных красавцев глядели с нее мечтательно-печальными глазами...

З в о н о к.

Она не успела добежать до телефона — захит. Подождала. Не ожил.

Пошла было в комнату — вернулась зачем-то. Снова уставилась на телефон. И разглядела на зеленой телефонной трубке трещинку, еле заметную, у микрофона. Извилистую, забавную такую трещинку...

Одевалась торопливо, словно боялась — застанут раздетой, а когда начала приводить лицо в порядок — в дверь позвонили.

— Горгаз.

Парнишка в потертых джинсах и линялой ковбойке выдвинул впереди себя элегантный портфель-чемоданчик, громыхнувший чем-то железным, и без приглашения решительно прошел на кухню.

Не говоря ни слова, отключил горящий понапрасну газ. Покрутил остальные ручки. Что-то спросил. Она, не расслышав, кивнула головой. Он ушел.

Дверь за ним закрылась беззвучно...

Что-то произошло...

Она бродила по квартире — и ни единого звука, смотрела на свои вещи — и ничего

не узнавала. Это не пугало, нет. Просто такого с ней никогда не бывало. Даже в Третьяковке и Эрмитаже, когда она пыталась слиться с великим и бессмертным. А сейчас... что-то необычное открылось ей вдруг... Не разуму — сердцу...

Она смотрела как зачарованная на белую потрескавшуюся стенку...

Но только Ирина открыла подъездную дверь, грохот старого красно-желтого трамвая ворвался в нее и оглушил звуком. А когда на повороте, скрежеща и лязгая колесами, трамвай замедлил ход, она, поколебавшись секунду, бросилась вдогонку, вскочила на подножку неведомо от чего открытой двери, и, стоя на ней, с колотящимся сердцем, поплыла по узким улочкам залитого солнцем города. Деревья стояли так близко, что она не удержалась от соблазна и протянула руку. И тут же отдернула, но меж обожженных ударом пальцев уже застрял зеленый листочек. Ирина улыбнулась, подбросила его в небо, но он не долетел... безнадежно отстав, упал далеко за трамваем на брусчатку мостовой.

— А кто билет брать будет? И вообще, девушка — а на подножке! — кондукторша явно не одобряла.

В ответ Ирина беспомощно улыбнулась, прыгнула и побежала по улице. Легко и свободно.

Несколько секунд за трамвайным стеклом каменело лицо кондукторши, потом солнечный сноп ударил в стекло, и кондукторша исчезла...

Близ продуктового магазина на привокзальной площади Ирина встретила свою старую школьную учительницу.

Полину?.. Полину... Как же отчество?

Неужели и это забыто?

Сухая, некогда высокая и педантичная, учительница литературы в школьные годы внушала уважение и даже страх. Теперь же, постаревшая и осунувшаяся старушка с авоськой, вызывала жалость. Ирина напросилась помочь.

Ей захотелось сказать что-нибудь теплое, ласковое, но слов не находилось: говорить

же о себе не хотело совсем. И старая седая женщина поняла это сразу. Так и шли — перекидываясь ничего не значащими фразами.

Полина Яковлевна жила на втором этаже добротного, хотя и старого дома. Площадкой выше, на подоконнике, грелся большой сибирский кот. Мохнатый, неподвижный, он лежал здесь, наверное, вечность... Солнце жгло ему спину — но он только жмурился, да иногда приоткрывал щелки глаз, чтобы кинуть бесстрастный взгляд на лестничную ступеньку... Пока учительница возилась с ключами, Ирина незаметно отломил кусок колбасы из авоськи и бросила рядом с собою. Но кот даже не дрогнул. Он только усмехнулся. По-своему, по-кошачьи.

Наконец Полина Яковлевна разобралась с ключами, и они вошли в квартиру.

Ирина ожидала увидеть знакомые вещи: старую вешалку, чудный комод, часы прадедовские, старые-престарые, у них — Ирина помнила — маятник был искривлен, и потому они никогда не шли точно.

Но ничего этого не было. Стояла современная финская стенка-вешалка с зеркалом и тумбочками. Она увидела свое постаревшее, незагримированное лицо и ужаснулась. Школа, институт, замужество, развод — все пронеслось, как мгновенье.

Почти следом за ними в квартире появилась соседка Полины Яковлевны — тетя Клава. Прошли в комнату. Полина Яковлевна достала праздничный сервиз. Сели чай пить. Тетя Клава оказалась старушкой занятой — тут же принялась рассказывать истории про психов, самоубийц и лунатиков.

Ирина посидела, послушала, потом тихонько встала и подошла к книжному шкафу.

Когда в руках Полины Яковлевны появилась банка абрикосового варенья, а бабуся начинала новый рассказ, Ирина наткнулась на знакомый корешок. Пронзительно знакомый. Тертый-перетертый.

Сколько же лет прошло? Как же она составила...

Она смотрела на томик любимого писателя и боялась к нему прикоснуться... Отошла к столу и снова вернулась. Наконец, осторожно, будто опасаясь чего-то, сняла книгу с полки. Открыла наугад. Прочитала какие-то слова. Ничего не значащие. И вдруг мощно и сладко накатило давнее, когда жизнь ее лишь начиналась и многому верилось...

Ирина затаила дыхание... и даже бабуся смолкла, сосредоточенно постукивая серебряной ложечкой по блюду с вареньем, но через минуту Ирина не ощущала и этих звуков. Все стихло вокруг... для нее.

Из тишины ее вырвал голос Полины Яковлевны. Она подозвала Ирину и, покопавшись в шкафу, извлекла пожелтевшую фотографию. Их выпускной класс. Юные, красивые, радостные лица.

Старушка, мельком глянув на фото, тут же ткнула пальцем в парня рядом с Ирой:

— Кто это?

— Шура Алексеев: они за одним столом сидели, — ответила учительница.

— И всё?

Полина Яковлевна не поняла.

— Ну, кем он стал? — уточнила бабуся.

— Не знаю... а что это вы, тетя Клава, так заинтересовались?

— Да больно глаза у касатика искренние. Надолго хватит ли?..

Кем стал и где теперь Шурка Алексеев, Ирина не знала тоже. Как-то раз он написал ей, но она не ответила... Какое-то странное оцепенение охватило ее вдруг, и она не могла сдвинуться с места и только, глядя куда-то вдаль, за стену, слышала монотонный старушечий голос...

— Такая красивая женщина была, ну, дивной красоты-то, и замуж вышла нормально, и муж-то справный достался, заботливый. Любил ее, ой как любил! Да вот беда — как дело к весне, так с ней что-нибудь да происходит. Ненормальная она была... Раз — сбегала на ярмарку...

Оцепенение отпустило Ирину, лишь взгляд ее соскользнул с корешка книги. Это он притягивал ее к себе странной силой...

Ирина отошла к окну. Внизу, по двору, бежали трое мальчишек: двое, дурачась, убегали, а третий — за ними. Бежал и швырялся камнями...

— И вот собралась она как-то, сказала мужу, что к соседке, а сама в метро. Отошла подальше, чтобы никто не успел помешать, и под поезд...

За окном малыш наконец попал в одного.

Тот упал.

Второй подбежал. Дал малышу по шее...

Ирина, как это бывало прежде, попросила у Полины Яковлевны свой любимый томик, пообещала на днях занести, попрощалась и вышла.

На площадке колбасы уже не было, а кот по-прежнему лежал на подоконнике. При ее появлении он царственно поднял голову и удостоил ее взглядом. Ласковым. Многозначущим.

Ирина шла по улице. Шла очень быстро, хотя торопиться было некуда.

Ветер нес ей вдогонку обрывок красной афиши.

По небу летели тучи, закрывая и открывая солнце, и город то становился серым и пошлым в своей суете, то оживал, наполняясь теплом и светом, и мельтешня людей и машин казалась уже не бессмысленной...

Афиша пронеслась у театральной тумбы, и на Ирину в который раз глянули шесть знаменитых загримированных красавцев. Они летели до первого дождя, который прибивает их к земле, смешает с грязью...

Куда она спешила, Ирина не знала. Кто-то невидимый вел ее по улицам города. Внезапно она остановилась, села спиной к какой-то застекленной витрине и раскрыла книгу.

Время замерло.

С нею, между тем, пытались заговорить, приглашали в кино, ресторан... Потом съязвили насчет внешности и поведения... Потом рассматривали в упор — она никак не отвечала...

Солнце то исчезало, то появлялось вновь.

А ветер гнал и гнал обрывки газет, желтые засохшие листья. Окурки весело скакали по асфальту. Неподалеку подвывал шальной магнитофон. И носились трамваи, и мальчишки прыгали с подножек, и охали чувствительные женщины. А где-то на страницах штормило море, витрины ломились под топорами, и тихо умирал чистильщик сапог.

Она читала быстро и непоследовательно: прыгала с начала в конец, с конца — в середину.

Не все ей нравилось теперь. Но были места потрясающие вовсе! И вдруг кто-то тихо сказал:

— Красная афиша.

Наверняка он сказал что-то еще, до него дошли только эти два слова. Оттуда — из кричащего мира звуков, запахов, прикосновений.

Ирина напряглась, почему-то ожидая услышать о тех красавцах, которыми ветер подметал улицы. Но парень, стоящий всего-то в двух шагах, рассказывал другому фильм.

Просто фильм.

И в нем — тоже о красной афише. Двадцать молодых французов и одна девушка — участники Сопротивления, — которых фашисты перед расстрелом в назидание другим сфотографировали, а после отпечатали афишу, красную. И все они там — в фас, французы, которые и французами-то не были на самом деле. Двадцать парней и одна девушка.

Звонок прозвенел в третий раз, и Ирина очнулась.

Она сидела у входа в кинотеатр.

Вечерело. Похолодало.

Солнце в последний раз глянуло в город, и она увидела его, отраженное в луже — розовое и золотистое разом. Лужа была маленькой и грязной, но увиденное так потрясло Ирину, что она как вкопанная стояла у этой лужи, и людские потоки ее огибали, унося свои хлопоты, заботы свои дальше; между серыми домами, между тысячами окон, за которыми притаились пока, до вечера, до

сбора семейств — раздоры, обиды, радости...

Какофония звуков неслась по улицам, расплзаясь по дворам и закоулкам, достигая всякого, кто оказывался незапертым в своих стенах. Ревели магнитофоны, Николай Озеров надрывался, комментируя матч, шпана гудела в подворотне. И вдруг она услышала рядом голос, до боли знакомый, на чьем-то домашнем проигрывателе воспроизводивший в сотый, наверное, раз — «Любовь к женщине»!

Ей показалось странным то, что годами обожествлялось ею же. Издерганный голос певца был неприятен, а то, о чем пелось — так пошло, что ей захотелось, может, впервые в жизни, схватить камень и запустить им в окно, в проклятый проигрыватель, в эту бесконечно огромную ложь, которую он воспроизводил, послушный чужой воле.

Письмо!..

Он же написал ей, уже замужней, правда. Тогда они с мужем посмеялись над Шуркиным нелепым посланием. Письмо со временем затерялось, и всего текста Ирина не помнила, только первые строки: «Я благодарю Бога за то, что первой любовью моей была ты: такая красивая, добрая...»

Раздался звон разбитого стекла, чей-то недоуменный вскрик, потом и цокот женских туфель.

Она бежала и бежала, и не могла остановиться: страх и необъяснимая радость подгоняли ее. И она бежала вниз по спуску — по вязкому асфальту, по камням-голышам, по сухой песчаной земле.

Болталась сумка на левом боку. Ливня, ливня просила Ирина у неба, но тучи уже пронеслись.

И вновь, как утром, все звуки разом выключились, и в тишине было слышно лишь шарканье ног: больших, малых, женских, юных и старческих. Бесшумно двигались машины, беззвучно разговаривали люди, и только шарканье, шарканье ног.

Это длилось недолго. Потом уличная музыка вновь оглушила ее, и она, опьяненная прожитым днем, прыгнула в нужный автобус, плюхнулась на сиденье, несколько минут приходила в себя и, вытащив из сумочки книгу с твердым намерением прочесть ее снова и с самого начала, неожиданно открыла восьмую страницу и прочитала о пареньке в пивбаре... И тогда она вспомнила: встреча в кафе, разговор минут на пятнадцать, ничем не примечательный такой разговор. Наверное, дала ему свой телефон... Ирина вспомнила его лицо, глаза, руки. Как буравил он ее веселым неприщуренным взглядом. Да, это был тертый парнишка... которого уже нет.

Она вспомнила о его друге, обещавшем позвонить, и потому, не дожидаясь лифта, побежала по лестничным ступеням вверх.

Открывая дверь, она впервые не увидела большого грязного пятна на кожаной двери соседей.

Вбежала в комнату, включила бра и, не раздеваясь, кинулась на кушетку.

Телефон молчал.

Она ждала. Тянулись минуты.

Никто не звонил.

И незаметно она уснула.

Волосы щедро разбросаны по голубому.

В пустой квартире ни единого звука. Темно. И только свет от бра освещает ее счастливое лицо.

Лицо без грима...